

«Нельзя совместить конституцию с насилием...»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг.

В статье анализируется отношение к революционному террору партии правых либералов – «Союза 17 октября». Основываясь на материалах периодической печати, стенографических отчетов I и II Государственных дум и других источниках, автор показывает, что октябристы были одной из немногих партий России, видевших опасность террора для конституционного развития страны и последовательно борющейся за создание общественного мнения, осуждающего террор.

This article examines the attitude of right liberals' party – The Union of October 17 – towards the revolutionary terror. Based on the materials of the periodical press, verbatim records of the First and Second State Duma and other sources the author shows that Octobrists were one of the few parties of Russia seeing danger of terror for the constitutional development of the country. The party consistently fought for the creation of the public opinion condemning terror.

Ключевые слова: революционный террор, октябристы, I Государственная дума, II Государственная дума, фракция октябристов, общественное мнение, «Голос Москвы», публицисты.

Key words: revolutionary terror, Octobrists, the First State Duma, the Second State Duma, Octobrists Fraction, public opinion, «Voice of Moscow», publicist.

*Голоса умеренных либералов остались
голосами вопиющих в пустыне.
А.В. Тыркова-Вильямс*

В начале XX в политический террор стал любимым средством борьбы российских революционеров с властью. В период революции 1905–1907 гг. он применялся многими левыми партиями и практически перестал контролироваться их руководством. Революционный террор, ставший частью российской повседневности, уже трудно было отличить от уголовной преступности. Губернский гласный Полтавского земства В.И. Мезенцов в письме С.Ю. Витте в конце 1905 г. писал: «Совершенно терроризировано все мирное, благоразумное общество. Вы напрасно взываете к поддержке благомыслящих людей, – они не могут, они не смеют пикнуть против обуявшего их террора, – хотя несколько не сочувствуют революции» [26. Л. 73]. Такой размах террору во многом обеспечило сочувствие общественного мнения. Между тем проблема влияния общественного мнения на развитие

политического террора в России в отечественной историографии практически не исследована. Настоящая статья – одна из первых попыток проанализировать отношение к террору правых либералов – «Союза 17 октября».

Партия буквально с момента своего возникновения посчитала проблему террора очень важной и активно включилась в ее обсуждение как в печати, так и в стенах Государственной думы. Свою задачу «Союз 17 октября» видел не просто в осуждении террора, но в создании устойчивого негативного по отношению к террору общественного мнения. Главную роль в этом октябристы отводили печати. Так, «Голос Москвы», центральный печатный орган партии, с момента выхода первого номера опубликовал 28 больших статей о терроре, затрагивающих разные аспекты этого явления, а в Государственной думе первого созыва октябристы инициировали вопрос о необходимости осуждения террора. Борьбу с террором октябристы сделали одной из ключевых идей своей агитационной кампании по выборам во II Думу. «Голос Москвы» постоянно публиковал обращение ЦК партии к гражданам Москвы, желающим работоспособной Думы и выступающим «против анархии и против насилия со стороны революционных партий...», голосовать за октябристов. Кроме осуждения террора, предвыборные воззвания ЦК содержали критику кадетов, отказавшихся осудить террор в I Думе [9, с. 1].

Октябристам удалось всесторонне проанализировать феномен революционного террора. Они воспринимали его прежде всего как средство борьбы оппозиции за власть, как средство устрашения и деморализации противника, пропаганды, разрушения или насаждения новой государственности [4, с. 1]. Раньше, по мнению правых либералов, террор был попыткой заменить революцию, но и тогда приносил освободительному движению вред, а не пользу [2, с. 4]. В период революции он выродился, превратился в средство мести своим политическим противникам, часто за образ мысли [5, с. 2]. Октябристы ставили знак равенства между террором справа и слева, считали тот и другой проявлением «нашей дикости, нашей некультурности, стремлением политической партии стать выше государства [3, с. 1].

«Союз 17 октября» был конституционной партией, и в публичных речах его лидеры, например М.А. Стахович, относили к причинам террора как раз отсутствие конституции, бесправие населения и «жестокость» власти [29, с. 228]. Но в отличие от левых либералов они не считали это обстоятельством оправданием террора. Октябристы в поисках причин террора больше были ориентированы не на прошлое, а на современное состояние страны. Истоки современного террора они видели в пошатнувшемся в обществе уважении к закону, которое привело к появлению «целой тучи волонтеров, которые

жгут, грабят, убивают...» [31, с. 1–2], а также в искусственно создаваемом в России общественном мнении, поддерживающим практику террора. Поэтому основная вина за террор возлагалась октябристами не на левые партии, а на партию кадетов, «партию политической игры», «привыкшую ходить кривыми путями, с постоянными обходами налево», которая «всячески изощряется, чтобы удержать за собой руководящую роль и захватить кормило законодательства и управления» [10, с. 1]. Октябристские публицисты спрашивали читателей: «Почему "чистые" студенты идут в рядах грабителей и убийц? Почему погибли М.Я. Герценштейн и Г.Б. Иоллос?». И отвечали так: «Потому что кадеты и их левые друзья целых два года неустанно и на все лады проповедают, что цель оправдывает средства..., они своими словами и делами деморализовали круги населения, выходящие за пределы их партий» [20, с. 1].

Октябристы не просто осуждали и боролись с практикой террора, но пытались убедить левых в нецелесообразности террора как революционного средства борьбы, даже вредного для интересов пролетариата [4, с. 1]. Они доказывали, что отдельные теракты не оказывали существенного влияния на политику правительства, что «внушение произвела забастовка, т. е. угроза со стороны массы» [2, с. 4].

Октябристы выделяли три аспекта опасности террора для страны: нравственный, политический и экономический. Они много говорили о уже сложившейся неестественной привычке к террору русского общества, о его нравственном отупении [20, с. 1; 22, с. 3]. «Голос Москвы» много писал о жестокости этого средства борьбы, о пытках, которые применяют к своим жертвам террористы [30, с. 1]. Даже репортаж с выставки картин М.В. Нестерова стал поводом для публицистов поговорить о недопустимости террора. Картина художника «Дмитрий-царевич убиенный», привела автора репортажа к мысли, что современное общество нуждается не в жестокости, а в жалости и умилении: «Столетия прошли, а человек все еще считает за собой право на жизнь человека. Люди могут еще думать, что ради каких-то целей могут отнимать жизнь...: Нельзя этого! Больше нельзя! Довольно крови и кровавых страниц! Нужна жалость, простая человеческая жалость...» [12, с. 2–3].

Октябристы опасались, что террор помешает России укрепиться на конституционном пути, на который она вступила в 1906 г., поскольку «нельзя совместить конституцию с насилием...» [3, с. 1; 15, с. 1]. Террор, по их мнению, может вызвать, с одной стороны, ответный террор черной сотни, с другой – реакционную политику власти, одобренную населением, уставшим от убийств [2, с. 4].

Особое внимание правые либералы уделяли влиянию террора на развитие промышленности в стране. Террор в период революции

коснулся не только представителей власти, но и промышленников, торговцев, землевладельцев. Против представителей буржуазии, а также управляющих, инженеров, принадлежащих, по мнению террористов, к угнетателям рабочих, теракты совершали в основном анархисты. Так, в январе 1906 г. на конференции сторонников безмотивного террора было решено устроить взрыв во время Всероссийского конгресса горнопромышленников [6, с. 188–189]. По мнению октябристов, такое положение вещей грозило как производству, так и рабочим, которым просто негде будет работать из-за закрытия предприятий. «Мы рискуем утратить самое главное – способность к труду, к творческой и производительной деятельности, т. к. нельзя работать под Дамокловым мечом постоянной опасности, что эта деятельность не понравится тем, кто считает себя вправе быть верховным и безапелляционным судьей над всеми, кто не так делает, не так мыслит», – писал «Голос Москвы» [33, с. 1].

Весной 1907 г. в России прошли съезды представителей торговли и промышленности, на многих из них обсуждался вопрос о терроре и мерах борьбы с ним, были приняты соответствующие резолюции. Октябристская печать помещала их на своих страницах [16, с. 5; 33, с. 1].

Октябристы предложили и программу борьбы с террором. По их мнению, радикального средства против террора, своего рода эпидемии, нет. Но остановить ее может общественное мнение, союз общества и власти. Поэтому октябристская печать боролась против одобрения террора левой и либеральной печатью, прежде всего кадетской: «Отнимите у политических убийств сочувствие общества, и они, несомненно, уменьшатся в числе и потеряют храбрость. Без поддержки в широких слоях общества не может успешно действовать никакая подпольная организация... Всякий из нас, молчаливо сочувствующий политическим убийствам и громко их не осуждающий, – соучастник террора и враг отечества. На каждом из нас – ответственность за преступления, совершаемые ежедневно. Сознание нашей ответственности – лучшее лекарство от заразной болезни, называемой террором [2, с. 4].

В период революции октябристы активно не ратовали за применение смертной казни и военно-полевых судов. Они занимали двойственную позицию. С одной стороны, правые либералы понимали, что «смертная казнь для фанатиков не страшна» [2, с. 4], с другой – не могли согласиться с мнением кадетов и левых о том, что ослабление репрессивных мер может вызвать такое же ослабление террора и анархии. Они полагали, что некоторым снижением террора в 1907 г. страна обязана «мерам неизбежной репрессии» [27, с. 3]. В I Думе октябрист И.В. Способный выступил против отмены смертной казни «во что бы то ни стало». Обосновать свою мысль и

говорить по поводу полной амнистии он не смог «ввиду настроения почтенного собрания» [29, с. 87]. На И.В. Способного тут же обрушилась лавина критики. В тот же день в «Биржевых ведомостях» появилось следующее стихотворение:

Депутат, – не столь способный,
Как фамилия его, –
Бросил Думе вызов злобный
И рискнул на озорство.
Всех вопросов безобразней
Им затронутый вопрос:
Он в защиту смертных казней
Спич хвалебный произнес! [23].

Кроме того, октябристы считали, что необходимо еще до «успокоения» России завести хорошо организованную полицию, условия службы в которой привлекли бы в ее среду более «интеллигентные элементы» [34, с. 2].

Особое значение октябристы придавали необходимости осуждения террора Государственной думой. Выборы в I и II Думы они проиграли. По словам талантливой журналистки, члена ЦК кадетской партии, А.В. Тырковой-Вильямс, в политике тогда бушевала «эмоциональная стихия», поэтому на выборах в Думу избиратели и посетители митингов не отзывались не только на призывы правых, но «даже на доводы умеренных конституционалистов, сплотившихся в Союз 17 октября» [32, с. 233–234]. В Думу первого созыва от партии октябристов прошло всего 27 депутатов, которые даже не смогли создать самостоятельной фракции, а действовали в составе правого крыла Думы. Им руководил один из организаторов партии и член его ЦК граф П.А. Гейден [21, с. 492, 578], «парламентарий английского типа, либерал, но умеренный и благоразумный» [32, с. 261].

А.В. Тыркова-Вильямс в воспоминаниях отметила всю сложность положения группы правых либералов в I Думе: «У Гейдена не было организованной партии, просто пять-шесть единомышленников, которые чувствовали грозность положения и самоотверженно, но тщетно пытались образумить остальных. В них не было эгоистического страха за себя, за свои преимущества. В них было не меньше искренности и мужества, чем у левых депутатов. Они это доказали своими речами, резко расходившимися с буйным пафосом думского большинства. Эти паладины здравого смысла взяли на себя неблагоприятную задачу утихомирить взвинченных депутатов, призвать их к хладнокровию, к благоразумной осмотрительности, справедливости и постепенности» [32, с. 262].

Обсуждение проблемы террора, амнистии, отмены смертной казни и военно-полевых судов стали едва ли не главными в работе I

и II Государственных дум, и по всем этим вопросам октябристы заняли самую непопулярную позицию. Предложение осудить террор было высказано в I Думе именно депутатами-октябристами. Первым эту идею озвучил 2 мая октябрист А.А. Остафьев. Он подчеркнул, что нельзя требовать амнистии без того, чтобы сказать, что в «культурной стране, какой должна быть Россия, когда будут гарантированы все свободы, никаких смертных казней и покушений одного человека на другого не может быть...» [29, с. 82].

Большинство депутатов «Союза 17 октября» не имели такого дара парламентского красноречия, каким обладали многие кадетские депутаты [25], но одни из лучших речей в I Думе были произнесены членом ЦК партии октябристов М.А. Стаховичем в защиту осуждения террора. 4 мая он предложил принять поправку к адресу императору, осуждающую террор. Террор, с его точки зрения, являлся преступлением, вызванным жестокостью власти и несправедливостью народа. Но в Думе, нужно «добиваться своего или общественного права не силой, а по закону» [29, с. 228]. В поправке говорилось: «...Государственная дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они ни исходили» [29, с. 228]. По свидетельству А.В. Тырковой-Вильямс, М.А. Стахович говорил «вдохновенно и заразительно», не искал популярности, «да и заслужить ее в Думе он не мог, так как шел в разрез с массовыми чувствами, взбудораженными смутой» [32, с. 261].

При баллотировке поправки М.А. Стаховича октябристы требовали поименного голосования. П.А. Гейден настаивал: «Я за поименную баллотировку, так как против насилия большинства над меньшинством и желаю, чтобы мое мнение было отделено от мнения других и чтобы было удостоверено, что я высказал то мнение, которое я желал здесь высказать» [29, с. 234]. Однако Дума проголосовала и против поименной баллотировки, и против поправки М.А. Стаховича. Председатель С.А. Муромцев предложил несогласным письменно сообщить бюро свое мнение. 5 мая, когда депутаты голосовали за окончательный кадетский вариант ответного адреса императору, содержащий требование полной политической амнистии, семь депутатов во главе с П.А. Гейденом, не разделявшие идеи адреса, но и не желавшие нарушать единодушие думы, покинули зал заседания. 8 мая секретарю Думы подали заявление еще

четыре члена Думы, таким образом, присоединившись к мнению группы П.А. Гейдена по вопросам об амнистии и терроре.

Дума оказалась не в состоянии осудить террор, потому что она, в отличие от депутатов-октябристов, не видела в нем преступления. Позже В. Герье усомнится в способностях Думы, не осудившей террор, дать России «свободу и мирное обновление» [8, с. 124].

В период выборов во II Государственную думу октябристы выражали уверенность, что на этот раз им удастся осудить террор, что это будет «не дума народного гнева, а Дума народного разума, который слишком ясен, чтобы примириться с политическими убийствами» [28, с. 1]. Однако и во II Государственной думе октябристов было немного. По неполным данным, в начале сессии фракция октябристов насчитывала 28 депутатов [21, с. 578]. Дума опять была левой, а положение октябристов в ней нелегким. М.Я. Капустин, лидер фракции, после роспуска Думы докладывал ЦК партии: «Лучшие помещения для фракционных заседаний разобрали партии, примыкающие к большинству. Нам дали недурную комнату, но нам пришлось пустить к себе правых, которых вовсе лишили фракционного помещения. Положение партии, не примкнувшей к большинству, как наша, было не из веселых. Заявлениям, поданным группой членов, большинство, увидя подписи под ними, не давало движения; сокращение срока для речей ораторов и даже прекращение прений делались тогда, когда ораторы большинства высказывались» [24, с. 12].

Тем не менее фракция октябристов вместе с правыми боролась за осуждение террора в Думе. Предложение осудить террор во II Государственной думе выдвинули правые депутаты-священники, епископы Платон и Евлогий, уже на пятом заседании 6 марта, а 13 марта эту идею высказал П.А. Столыпин. После его выступления в тот же день группа правых депутатов (42 члена) внесли на рассмотрение заявление о порицании революционного террора. Через неделю, 19 марта, В.М. Пуришкевич напомнил Думе об этом заявлении, 26 марта правые сами попросили отложить обсуждение этого вопроса для того, чтобы лучше к нему подготовиться. Вновь они его внесли 2 апреля, но Дума рассматривать эту проблему уже не хотела. Еще несколько раз, вплоть до роспуска Думы, правые вносили это предложение на обсуждение, и каждый раз оно большинством голосов отклонялось под разными предлогами. Определяющей силой, которая могла бы повлиять на настроения Думы, была кадетская фракция, но она не поддержала начинание правых. Объясняя свою позицию широкой публике, кадеты обвиняли во всем правых, заявляя, что те ненавидят Думу, у них чувствуются «нечистые помыслы», они хотят вызвать скандал и с этой целью подняли вопрос об осуждении террора, поэтому другие и отказались его порицать. В

целом же кадеты, не одобряя террор, считают, что не дело Думы его осуждать [17, с. 6–7].

Октябристы протестовали против этой позиции левых либералов и в печати, и в Думе. Так Г.Е. Рейн напомнил депутатам с парламентской трибуны, что, может быть, именно потому, что I Дума не выразила порицания террору, о ней так мало жалели. Он убеждал депутатов поставить этот вопрос на обсуждение заблаговременно во избежание роспуска Думы. Председатель Ф.А. Головин расценил эти слова депутата как угрозу Думе. Г.Е. Рейн вынужден был оправдываться: «...Я не угрожаю, я хочу только высказать свою мысль» [18, стб. 1926–1927]. Фракция октябристов выступала за отмену военно-полевых судов, так как они «не обеспечивают правду и как бы исключают милость» [18, стб. 401]. Она поддерживала и идею отмены смертной казни, но при условии, что ее отмене будет предшествовать осуждение политических убийств, иначе наши законопроекты для завоевания действительной гражданской и политической свободы не будут приняты дальнейшими инстанциями [19, стб. 603–604]. Все члены фракции поддерживали это мнение. А.М. Балло, С.Т. Варун-Секрет, И.П. Созонович считали нецелесообразным отмену военно-полевых судов, которые являются ответом на революционный террор в данных условиях [18, стб. 401, 456, 484–486].

Октябристская печать поддерживала свою фракцию в борьбе за осуждение террора. Она уже в апреле дала взвешенный анализ проблемы осуждения террора в Думе, предположив, что «и на этот раз думское большинство намерено уклониться от выражения осуждения свирепствующему в России террору снизу». Публицисты показали своим читателям, почему это произойдет. Эсеры как террористическая партия не могут осудить террор. Социал-демократы признают целесообразность подобной тактики в данный момент, считая ее ответом на политику правительственного произвола. Народные социалисты и трудовики также одобряют террор снизу, вызванный, по их мнению, террором сверху. Кадеты же «как истые мудрецы и глубокие политики, ... хотят воспользоваться предложением правых и осудить политику правительства». «Итак, по всем данным, большинством будет вынесено порицание не террористам, а правительству и его агентам». Но все же октябристская печать продолжала бороться за осуждение террора. По мнению публицистов, «то «слово», которое ждет от Государственной думы страна, конечно, само по себе не в состоянии «утишить сразу взбаламученное море страстей. Но важно уже и то, чтобы сверху прекратилось то веяние, которое волнует море. Важно, чтобы из стен Таврического дворца громко и во всеуслышание было заявлено, что цель не оправдывает средства, что политические убийства и грабежи – гнусны и преступны». После осуждения террора парламентом

«можно будет уже принимать конкретные меры к искоренению террора». Правые, по мнению публицистов, внесли предложение об осуждении террора не для провокации, а для того, чтобы создать нравственную почву для законодательства против террора [20, с. 1].

Правильно октябристы оценили и влияние вопроса об осуждении террора на роспуск Думы и роль кадетов в этом процессе. Кадеты, по их мнению, больше заботились о террористах («их, бедных, более всего жаль: их казнят, бьют и истязают»), а не о простых обывателях. Дума с таким большинством, по мнению правых либералов, неизбежно будет распущена [11, с. 1]. Позже октябрист В. Герье напишет: «Кадеты не могли осудить революционный террор, так как им нужно было революционное настроение в обществе для осуществления своей программы. Кадеты предпочли замять вопрос, чтобы не компрометировать своих ораторов защитой революционного террора» [7, с. 331–332].

На страницах печати октябристы критиковали в основном кадетов за их отношение к террору, позиция левых представлялась им более ясной и честной. Но когда 7 мая 1907 г. при обсуждении в Думе вопроса о раскрытии попытки теракта против императора левые фракции, не захотев в нем участвовать, вышли из зала заседания, октябристская печать обрушилась на них с критикой. «Голос Москвы» писал: «Левые партии разыгрывают гнусную комедию. Их представители демонстративно уходят из залы заседания, когда им приходится ответить на вопрос, сочувствуют ли они заговору, направленному против Государя, а затем уверяют, что с заговором не имеют ничего общего... Левые партии должны признать, что им нечего делать в Государственной Думе и уступить свое место другим. Пусть они открыто проповедуют насилие, это будет честно. Тогда мы разделимся на два лагеря, на революционеров и защитников государства...» [13, с. 1].

Таким образом, правые либералы в период революции 1905–1907 гг. были одной из немногих общественных сил России, не только осуждавших террор, но и боровшихся за создание общественного мнения, враждебного террору. Перу октябристских публицистов принадлежат, пожалуй, самые грамотные статьи о терроре. В них давался комплексный анализ этого феномена, оценивался вред, наносимый террором стране и обществу, предлагалась программа борьбы с ним. Праволиберальные публицисты искренне сожалели об участии молодежи в террористическом движении, и в отличие от правых никогда не рисовали террористов только чёрными красками. К сожалению, определяющее влияние на общественное мнение России оказывали не правые, а левые либералы, а голоса октябристов оставались голосами вопиющих в пустыне.

Список литературы

1. Безобразов П. Максималисты // Голос Москвы. – 1907. – 8 апр.
2. Безобразов П. Размышления // Голос Москвы. – 1907. – 3 янв.
3. Безобразов П. Террор // Голос Москвы. – 1907. – 21 марта.
4. «Берегитесь, товарищи!» тактика террора в России // Голос Москвы. – 1907. – 19 янв.
5. Вырождение террора (По поводу убийства графа А.П. Игнатьева) // Голос Москвы. – 1907. – 12 янв.
6. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – М., 1997.
7. Герье В. Вторая Государственная дума. – М., 1907.
8. Герье В. Первые шаги бывшей Государственной думы. – М., 1907.
9. Голос Москвы. – 1906. – 31 дек.
10. Голос Москвы. – 1907. – 3 марта.
11. Голос Москвы. – 1907. – 12 апр.
12. Голос Москвы. – 1907. – 18 апр.
13. Голос Москвы. – 1907. – 11 мая.
14. Голос Москвы. – 1907. – 17 мая.
15. Голос Москвы. – 1907. – 20 мая.
16. Голос Москвы. – 1907. – 25 мая.
17. Голубев В. Вторая Государственная дума. – СПб., 1907.
18. Государственная дума. Созыв второй. Стеногр. отчеты. – СПб., 1907.
- Т. 1.
19. Государственная дума. Созыв второй. Стеногр. отчеты. – СПб., 1907.
- Т. 2.
20. Государственная дума и террор // Голос Москвы. – 1907. – 10 апр.
21. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энцикл. – М., 2008.
22. Кофе с убийством // Голос Москвы. – 1906. – 29 дек.
23. Льдов К. Отзвуки. Против смертной казни // Биржевые ведомости. – 1906. – 5 мая.
24. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. / Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915. – М., 2000.
25. Патриكيةва О.А. Конституционные демократы в Государственной думе (1906–1917 гг.): зарождение парламентского ораторского искусства в России // Вестн. СПбГУ. Сер. История. – 2013. – № 2. – С. 52–59.
26. РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 57.
27. Репрессии, печать и Дума // Голос Москвы. – 1907. – 2 нояб.
28. Соловьев Б.М. Новое покушение // Голос Москвы. – 1907. – 18 февр.
29. Стенографические отчеты / Государственная дума. Первый созыв, 1906. Сес. 1. Т. 1. – СПб., 1906.
30. Столыпин А.А. Жестокость // Голос Москвы. – 1907. – 3 июня.
31. Теория социал-разбоя // Голос Москвы. – 1907. – 3 июня.
32. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М., 2007.
33. Фабричный террор // Голос Москвы. – 1907. – 29 мая.
34. Fields W. Терроризм в Соединенных Штатах // Голос Москвы. – 1907. – 9 дек.